Таким образом, «многомирие» «Грибоедовского вальса» А. Башлачёва позволяет раскрыть трагичность главного героя, являющегося отражением человека советской эпохи.

1. Гавриков В.А., Кляченков Е.А. Тема власти в творчестве Александра Башлачёва: образы Сталина и Наполеона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23. – № 2. – С. 178-187.
2. Данилова Н.К. «Грибоедовский вальс» А. Башлачёва в контексте литературы // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – Вып. 12. – С. 53–58
3. Иванов Д.И. А. Башлачёв «Грибоедовский вальс» (опыт анализа поэтического текста) // Филологические штудии. – 2005. – Вып. 9. – С. 134–145
4. Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2010. – 440 с.
5. Магомедова Д.М. К специфике сюжета романтической баллады // Поэтика русской литературы: Сб. ст. / Рос. гос. гума-нитар. ун-т ; редкол.: Н.Д. Тамарченко (отв. ред.) и др.]. – М.: РГГУ, 2002. – С.39-44.
6. Ступакова Е.Ю. «Баллада о Степане» А. Башлачёва: метаморфозы жанра // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2018. – № 18. – С. 13-21.
7. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.

Магомедов Д.М.

Языковые средства выражения синтаксических связей в дагестанских языках

*Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
(Россия, Махачкала)*

doi:10.18411/spc-22-07-2020-06

idsp: sciencepublic-22-07-2020-06

Аннотация

Статья посвящена исследованию языковых средств выражения синтаксических связей в дагестанских языках. Синтаксическая связь как способ соединения слов выполняет конструктивную функцию. Благодаря синтаксической связи словосочетание и предложение становятся полноправными языковыми единицами, обладающими формальной и смысловой законченностью.

Как правило, синтаксическая связь рассматривается как явление, имеющее определённую форму и содержание.

Содержательную сторону синтаксической связи представляют синтаксические отношения. Синтаксическими отношениями считаются соединения слов, частей предложения и самостоятельных предложений в тексте.

Обычно синтаксические отношения подразделяют на предикативные, которые осуществляются при связи подлежащего и сказуемого, и непредикативные, среди которых выделяют определительные, объектные и обстоятельственные отношения.

Ключевые слова: подлежащее, сказуемое, синтаксическая связь, определение, определяемое слово, словосочетание, предложение.

Abstract

The article is devoted to the study of linguistic means of expressing syntactic relations in Dagestan languages. Syntactic communication as a way of connecting words performs a constructive function. Due to the syntactic connection, the phrase and sentence become full-fledged language units with formal and semantic completeness.

As a rule, syntactic communication is considered as a phenomenon having a certain form and content.

The content side of syntactic communication is represented by syntactic relations. Syntactic relations are considered to be combinations of words, parts of sentences and independent sentences in the text.

Usually, syntactic relations are divided into predicative ones, which are realized when the subject and predicate are related, and non-predicative ones, among which there are definitive, object and circumstantial relations.

Key words: subject, predicate, syntactic relationship, definition, defined word, phrase, sentence.

Понятие синтаксической связи является фундаментальным понятием теории и практики синтаксиса. В этой связи А.Е. Кибрик отмечает, что «общепринятым можно считать тезис о том, что фундаментальным понятием, лежащим в основе всякого описания синтаксических структур высказываний, являются понятия синтаксического отношения, синтаксической связи» [6, с. 161]. Отсюда следует, что система синтаксических связей между составляющими предложения представляют собой важнейшие компоненты организации высказывания.

При исследовании синтаксических подчинительных связей, реализующихся между компонентами в любом языке, возникают две проблемы: а) языковые средства выражения синтаксических связей и б) синтаксические (грамматические) значения и их типы (в данном случае применительно к словосочетанию – это типы семантико-синтаксических отношений, реализующихся между компонентами словосочетания).

Определение и определяемое представляют собой единую синтаксическую единицу, в которой определение как зависимый член, выражает признак определяемого предмета. С другой стороны определение характеризуется тесной атрибутивной связью с определяемым словом и не может выступать в предложении самостоятельно, т.е. функция определения обуславливает его несамостоятельность, его обязательную зависимость от определяемого слова.

В глагольных словосочетаниях в аварском языке связь согласования осуществляется между стержневым переходным глаголом и зависимым объектом действия, обозначенным формой номинатива: так, в словосочетании *кагъат битлизе* главный компонент – переходный классный глагол *битлизе* «отправить» своим префиксальным классно-числовым показателем *б-* согласуется с объектом действия в номинативе *кагъат* «письмо», указывая на его отнесённость к III классу (классу вещей) ед.ч. В другом примере – *хинкIал гъаризе* «хинкал сделать», переходный классный глагол *гъаризе* «сделать» своим инфиксальным классно-числовым показателем *-р-* согласуется с объектом действия *хинкIал* «хинкал», оформленным номинативом, показывая отнесённость последнего к мн.ч. Ср. Другие примеры: *тетрадал* (мн.ч.) *рикъизе* «тетради раздать», *рукъ* (III кл.) *базе* «дом построить», *рукъзал* (мн.ч.) *разе* «дома строить», *йас* (II кл.) *йокъизе* «девушку полюбить», *вас* (I кл.) *витлизе* «юношу отправить» и т.д.

З.Г. Абдуллаев отмечает, что в даргинском языке, как правило, определение ставится перед определяемым словом. Он отмечает, что «в том случае, когда при одном определяемом слове употребляется несколько определений, каждое из которых показывает отличный от другого признак, непосредственно перед определяемым словом ставится то определение, которое показывает постоянный признак определяемого: *ХъанцIа бухари къанIа* «Серая каракулевая шапка». *Цудара гIяндан варгъи* «Чёрная андийская бурка» [1, с. 178].

Качественные определения в лезгинском языке выражаются как исконными, так и заимствованными качественными прилагательными, из которых «некоторые заимствованные лексемы, такие как *жегъил* «молодой»; «юноша», *ахмакъ* «глупец»; «глупый», *дели* «умалишенный»; «глупый», *гуьзел* «красавица, красавец»; «красивый» и др., выполняют функции и прилагательного и существительного. В функции качественного определения слова такого типа ведут себя как соответствующие качественные определения лезгинского языка – стоят перед определяемым и индифферентны к изменениям, которым подвергается определяемое слово, т.е. примыкают к нему, не меняясь ни в падеже, ни в числе» [3, с. 243].

Исследователь лакского синтаксиса К.И. Казенин отмечает, что «если определяемое слово по смыслу выполняет в причастном обороте функцию обладателя (выражается родительным падежом) или занимает позицию в составе придаточного предложения или оборота, входящего, в свою очередь, в относительное предложение, то на месте определяемого слова в причастном обороте может быть употреблено местоимение 3 лица *цув*, отличающееся от возвратного местоимения третьего лица только отсутствием частицы *-ва* / *-ра*: *Школалул директорну ивкIун ур Шагьмаев Вали, цувгу дяъвилийн увцуну, хIаписарну талайгу ивкIун, жан харж дурсса учитель* «Директором школы был Вали Шахмаев, учитель, который, когда **его** призвали на войну, воевал в звании офицера и отдал свою жизнь» [4, с. 127].

В табасаранском языке «определение и определяемое слово связываются без формантов; т.е. определение указывает на материал, свойство или качество, признак: *гъизил балугъ* «золотая рыбка», *этег нугъат* «этегский говор», *къалухъ дере* «калукская долина». Определение принимает аффиксы, чаще всего аффиксы принадлежности, что соответствует форме родительного падежа имени существительного: *рукъан ракар* «железные двери», *гъвандин хулар* «каменные дома», *швеъдин мугъара* «медвежья берлога», *шагърин кюче* «городская улица» [11, с. 113].

Определение и определяемое представляют собой единую синтаксическую группу, в которой определение, как зависимый член, выражает признак, присущий определяемому предмету. С другой стороны, определение характеризуется тесной атрибутивной связью с тем словом, к которому оно относится.

Определение всегда обращено к имени (т.е. определяемому слову). В аварском языке определение, как правило, всегда стоит перед определяемым словом. В том случае, когда при одном определяемом слове употребляется несколько определений, каждое из которых показывает отличный от другого признак, непосредственно перед определяемым ставится то определение, которое показывает его постоянный признак: *хъахIилаб зоб* «синее небо», *сихIираб цер* «хитрая лиса» [7, с.82].

Определения не подвергаются изменениям по падежам, оставаясь неизменным при любых падежных изменениях определяемого. Например: *берцинай яс* «красивая девушка» (ном.), *берцинай ясаль* «красивой девушкой» (эрг.), *берцинай ясалъул* «у красивая девушки» (пос.), *берцинай ясалъе* «красивой девушке» (дат.).

Если в составе определения нет классных показателей, то его подчиненность определяемому выражается только постановкой его перед определяемым словом и несогласованием в падеже: *Щобазда хъахI микки, хвезе тоге дун* (Хъ.М.) «На вершине гор белая голубь, не дай умереть мне». *Къокъаб гIарза хъвазин хъахI миккияде* (Хъ.М.) «Короткую жалобу напишу белой голуби».

Употребление краткой формы прилагательного представляет собою определенный стилистический прием, используемый в аварских художественных, преимущественно поэтических произведениях. Они соответствуют общему приподнятому стилю произведения и сходны в этом отношении с краткими формами, употребляемыми в русском фольклоре. Часто они превращаются в постоянные эпитеты, неизменно следуя за своим определяемым. Например: *Тюгъол лъим бахъарал багIар гIанаби* (Хъ.М.) «Цветочную воду намазанные красные щеки» [10, с. 97].

Однако в аварском языке краткие формы прилагательного могут находиться и в постпозиции, так же как и полные прилагательные.

Эти краткие формы имеют широчайшее распространение в качестве прозвищ, иносказаний, кличек, собственных имен, интимных наименований по какому-нибудь индивидуальному признаку и т.п. Они состоят из краткого прилагательного и стоящего впереди него существительного. Например: *хIули берцин* «красивое перо» (букв. «перо красив»), *гIамал берцин* «красивый характер» (букв. «красив характер»).

Некоторые из таких форм могут стать более устойчивыми сочетаниями (например: *нодохъахI* – лошадь с белым пятном на лбу), но чаще они остаются свободно образуемыми формами, и точный смысл каждой из них определяется только в

конкретных условиях разговора, таковы *чинчио халат* «женщина с длинным платком», *хлули берцин* «красивоперый» и т.п.

Твердый закон порядка слов «определение и определяемое» проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в дагестанских языках строится по принципу «зависимый член + главный член», а в широком смысле это фактически «определение + определяемое». Например: авар. *лъиклай яс*, дарг. *жагаси рурси*, лакс. *хъинсса душ*, лезг. *хъсан руш*. В словосочетаниях *лъиклай яс*, *жагаси рурси хъинсса душ*, *хъсан руш* «хорошая девушка» слова *яхшы*, *лъиклай*, *жагаси*, *хъинсса*, *хъсан* являются частной характеристикой к определяемому как к более общему понятию.

Конечная позиция глагола в дагестанских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включающая развернутые конструкции, продиктованы тем же законом порядка слов «определение + определяемое».

В качестве определяемого слова выступает в основном имя существительное, реже местоимение. Поскольку именем существительным выражаются в предложении подлежащее, дополнение, обстоятельство, то и определение может относиться как к главному члену предложения, так и к второстепенным. Например, определение при подлежащем: *Цо ворхатав чи вачлана нижеда асклове* «Один высокий незнакомый человек подошел к нам». Здесь подлежащее выражено существительным в номинативе.

Среди частей речи аварского языка наиболее часто определения выражаются прилагательными и причастиями, поскольку в само значение этих частей речи как таковых входит обозначение явления как признака или качества, действия или состояния предмета: *баглараб глеч* «красное яблоко», *цалараб тлехъ* «прочитанная книга» [2, с. 201].

Местоимения в аварском языке, как и в других языках, выражают отвлеченные понятия, которые могут указывать на всякий предмет или явление реальной действительности, исходя из ситуации данной речи: *досул тлехъ* «его книга», *дир гьалмагъ* «мой друг».

Однако в функции определения могут выступать и слова, которые сами по себе признака не обозначают, но в отдельных сочетаниях, вступая в предложения в особые отношения с другими словами, могут служить для обозначения признака. Так, например, для значения имени существительного как части речи характерна предметность, а не обозначение признака. Поэтому, чтобы приобрести характер определения, существительное должно вступить в какие-то определенные отношения с определяемым. Только через выражение определенных отношений с определяемым, ослабив тем самым свое предметное значение, существительное может служить выразителем признака другого предмета. Следовательно, наряду с прилагательным, причастием и местоимением выразителем определения в аварском языке может выступать и имя существительное в номинативе или посессиве: *инсул хъабарча* «отцовская шуба», *гьудуласул кагъат* «письмо друга» [8, с.44].

Способы введения в предложение его членов, различаются по характеру синтаксического содержания отношений. Атрибутивная связь – наиболее тесный вид синтаксической связи, посредством которой объединяются слова (словосочетания) со значением предмета, процесса с одной стороны и слова (словосочетания) – с другой стороны.

Синтаксическая природа определения (атрибута) в аварском языке требует особого внимания, будучи одной из актуальных проблем в авароведении.

Определение в аварском языке является одним из второстепенных зависимых членов предложения, обозначающий признак предмета и отвечающий на вопросы: (*кинав* «какой?» (I кл.), *кинай* «какая?» (II кл.), *кинаб?* «какой? (III кл.), *кинал* «какие?» (мн. ч.), *чан?* «сколько?, *лъил?* «чей? чья? чье? чьи?» и т.д.

Определение и определяемое представляют собой единую синтаксическую группу, в которой определение, как зависимый член, выражает признак, присущий

определяемому предмету. С другой стороны, определение характеризуется тесной атрибутивной связью с тем словом, к которому оно относится. Определение по своей форме и по семантике неразрывно связано с определяемым словом [5, с. 54].

За последние десятилетия дагестанское языкознание достигло заметных успехов в исследовании ряда научных проблем, связанных с синтаксисом: появились работы, посвященные изучению закономерностей и правил сочетаемости слов, выявлению различных видов, форм, моделей словосочетания, анализу взаимодействия лексико-семантических и грамматических уровней в предложении.

Среди частей речи аварского языка наиболее приспособленными для выражения определения являются прилагательное и причастие, поскольку в само значение этих частей речи как таковых входит обозначение явления как признака или качества, действия или состояния предмета: *багIараб гIеч* «красное яблоко», *векерулев вас* «бегающий мальчик» и т.д.

Местоимения в аварском языке, как и в других языках, выражают отвлеченные понятия, которые могут указывать на всякий предмет или явление реальной действительности, исходя из ситуации данной речи: *долъул тIехь* «ее книга», *досул льимал* «его дети», *дозул рухъ* «их дом» и т.д.

Однако в функции определения могут выступать и слова, которые сами по себе признака не обозначают, но в отдельных сочетаниях, вступая в предложении в особые отношения с другими словами, могут служить для обозначения признака. Так, например, для значения имени существительного как части речи характерна предметность, а не обозначение признака. Поэтому, чтобы приобрести характер определения, существительное должно вступить в какие-то определенные отношения с определяемым. Только через выражение определенных отношений с определяемым, ослабив тем самым свое предметное значение, существительное может служить выразителем признака другого предмета. Следовательно, наряду с прилагательным, причастием и местоимением выразителем определения в аварском языке может выступать и имя существительное в именительном или родительном падеже: *маххул бакI* «железная дверь», *квасул цватаби* «шерстяные носки».

Порядок слов в словосочетании и предложении играет немаловажную роль в выражении синтаксических отношений. Особенно большую роль играет порядок слов в агглютинативных языках, ему в синтаксисе этих языков отводится большое место [9, с. 82].

Определенные типологические особенности могут быть унаследованы от праязыка, который, очевидно, был языком агглютинативного типа. Языкам этого типа присущи следующие специфические черты.

1. Твердый закон порядка слов «определение + определяемое» проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в аварском языке, как и в других дагестанских языках, строится по принципу «зависимый член + главный член» или «определение + определяемое». Например: *берцинаб тIегь* «красивый цветок». В этом словосочетании компонент *берцинаб* является частной характеристикой к определяемому имени *тIегь* как к более общему понятию.
2. Способность имен существительных выступать в роли определения при отсутствии согласования с определяемым явилась почвой для развития в тюркских языках особого типа словосочетаний – изафета. В конструкциях дагестанских языков, аналогичных тюркскому изафету, синтаксические отношения основаны на простом примыкании. В аварском языке это отношения «существительное + существительное», «краткое прилагательное / причастие + существительное».
3. Действием закона порядка слов «определение + определяемое» объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция.

Последняя создавала условия в дагестанских языках для развития развернутых конструкций.

Исследователь синтаксиса даргинского языка З.Г. Абдуллаев, отмечает, что «определение относится к словам не как к членам предложения, а как к частям речи. Поэтому, когда речь идет о месте определения имеется в виду не вообще его место в предложении, а лишь его место по отношению к определяемому им слову, то есть стоит ли определение перед определяемым словом или следует за ним» [1, с. 344.].

В препозиции к определяемому слову прилагательные аварского языка составляют атрибутивную синтагму, части которой выражают определительные смысловые отношения: *лъикIав вас* «хороший мальчик» – *лъикIай йас* «хорошая девочка» – *лъикIаб чу* «хорошая лошадь» – *лъикIал лъимал* «хорошие дети». Связь со стержневым словом для определений осуществляется способом координации в числе и классе.

В том случае, когда при одном определяемом слове употребляется несколько определений, каждое из которых показывает отличный от другого признак, непосредственно перед определяемым ставится то определение, которое показывает его постоянный признак: *берцинаб цIулал бакI* «красивый деревянный стул».

Таким образом, постпозиционное определение, в отличие от обычного препозиционного определения, выражает не признак предмета, а уточняет этот предмет. Постпозитивное и препозитивное определения настолько различаются друг от друга, что при изменении порядка их расположения по отношению к определяемому слову они не только не переходят друг в друга, но как бы утрачивают свою атрибутивную специфику.

А.Х.М. – Авар халкъиял маргъаби

дат. – датив

К. – Кици

ном. – номинатив

пос. – посессив

Р.ХI. – Расул ХIамзатов

Ф.ГI. – Фазу ГIалиева

Хъ.М. – ХъахIаб росульа МахIмуд

эрг. – эргатив

1. Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. 479 с.
2. Алексеев М.Е., Магомедов М.И. Определение и его разновидности в аварском языке // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 197–205.
3. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Грамматика современного лезгинского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. 480 с.
4. Казенин К.И. Синтаксис современного лакского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Изд-во АЛЕФ, 2013. 328 с.
5. Камбачоков А.М., Магомедов М.И. Структурно-семантические особенности атрибутивной синтагмы с неоднородными определениями в аварском и адыгских языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 4. С. 53–57.
6. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. М.: Издательство Московского университета, 1977. 362 с.
7. Магомедов Д.М. Взаимосвязь определения и определяемого слова в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. № 69. 2018. С. 78–84.
8. Магомедов Д.М. Синтаксическая связь определения с определяемым словом в аварском языке // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2016. № 9. С. 40–45.
9. Магомедов М.И. Синтаксис дагестанских языков: состояние и проблемы изучения // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 2. Махачкала, 1997. С. 79–83.
10. Магомедов М.И. Способы выражения определения в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. № 70. 2018. С. 91–98.
11. Загиров З.М., Загиров В.М., Курбанов К.К., Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбузов К.Т. Современный табасаранский язык. Изд. 2-е, доп. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Изд-во «АЛЕФ», 2014. 488 с.